

О «Маленьких трагедиях» А.С.Пушкина

История создания

«Маленькие трагедии» были написаны в Болдино буквально за несколько дней: 23 октября переписан начисто «Скупой рыцарь», 26 октября окончен «Моцарт и Сальери», 4 ноября окончен «Каменный гость», 6 ноября «Пир во время чумы». Однако замысел этих произведений Пушкин вынашивал несколько лет. Воссоздание пушкинского замысла поможет в истолковании загадочных «маленьких трагедий», одного из самых читаемых и изучаемых произведений Пушкина.

Первые признаки замысла «маленьких трагедий» встречаются в бумагах Пушкина 1826 года. В июле 1826 года, находясь в Михайловском, Пушкин узнал о смерти своей давней возлюбленной Амалии Ризнич и о казни пятерых друзей-декабристов. Обе новости Пушкин тут же записывает на листе, там же пишет элегию на смерть Ризнич «Под небом голубым страны моей родной...», а на обороте того же самого листа появляется [следующий список](#): «Скупой. Ромул и Рем. Моцарт и Сальери. Д.Жуан. Иисус. Беральд Савойский. Павел I. Влюбленный бес. Димитрий и Марина. Курбский». Каким-то образом будущие «маленькие трагедии» и мысли Пушкина о судьбе его любимой и друзей связаны

Есть ещё несколько фактов, доказывающих, что «маленькие трагедии» были задуманы задолго до «болдинской осени». В черновиках «Евгения Онегина», относящихся к началу 1826 г., есть помета: «Жид и сын. Граф», то есть в сущности краткий план «Скупого рыцаря». Относительно «Ромула и Рема» сохранилось свидетельство С.П.Шевырева о том, что в этой пьесе Пушкин «одним из действующих лиц намеревался <...> вывести волчиху, кормилицу двух близнецов». М.П.Погодин слушал публичное чтение Пушкиным «Бориса Годунова» и на другой день, то есть 11 сентября 1826 года, записал в дневнике: «Борис Годунов — чудо! У него есть ещё Самозванец, Моцарт и Сальери». В 1828г. в альбом пианистки Шимановской Пушкин записал стихи, которые затем встречаются в «Каменном госте»:

Из наслаждений жизни
Одной любви музыка уступает,
Но и любовь мелодия...

От «Беральда Савойского» в бумагах Пушкина остался конспект рассказа об этом средневековом герое из французского сборника XVIII века. Сюжет «Влюбленного беса» волновал Пушкина ещё с начала 1820 гг. Остальные сюжеты пока с трудом поддаются восстановлению, однако, скорее всего, «все обозначенные Пушкиным произведения ко времени составления списка имели уже какую-то творческую историю (планы, наброски, подготовительные материалы и т.п.)» Видимо, прав был [первый биограф Пушкина П.В.Анненков](#),

утверждавший, что «Пушкин никогда не делал перечёта произведениям, ещё не существующим».

Ни черновиков, ни даже коротких набросков этих произведений не осталось. Остаются только косвенные пути для реконструкции замысла.

Настроение Пушкина периода жизни в Михайловском, когда появился замысел «маленьких трагедий», и настроение его в «болдинскую осень», когда «маленькие трагедии» были написаны, похожи: одиночество, печаль, смутная тревога. Однако «печаль» поэта в Михайловском принимала всё ещё романтические формы (поэт — «Пророк», возлюбленная — «гений чистой красоты», дружба — таинственный союз душ, который «неразделим и вечен»). Неудивительно, что воспоминания Пушкина об Амалии Ризнич, о запретной любви к ней, вызванные известием о её смерти, романтически укрупнились и превращались, например, в замысел драматической сцены о Димитрии Самозванце и Марине Мнишек; а, например, взаимоотношения Пушкина с царём могли породить замысел драмы об опальном беглеце-изгнаннике Андрее Курбском, посмевавшем стать оппонентом самого Ивана Грозного. Свои переживания Пушкин воспринимает как страсти, которые неподвластны человеку и могут оказаться губительными (ср. в «Цыганах»: «И всюду страсти роковые, И от судеб защиты нет»).

В Болдино Пушкин уже преодолел инерцию романтизма, теперь его «занимает не романтическая поэтизация страсти, возведённой в абсолюте, а беспощадный в своей трезвости анализ её», он стремится к нагой правде, задается вопросом о смысле жизни («Я понять тебя хочу, Смысла я в тебе ищущу»), вопросом «что есть истина?» (см. эпиграф стихотворения «Герой»). Уже в «Цыганах», а особенно в «Борисе Годунове» и «Графе Нулине» Пушкин «преододел <...> метафизичность понимания личности <...> Личность подчинена объективному закону истории...» (Г.А.Гуковский) Для осмысления новых вопросов Пушкину оказались удобными давно задуманные сюжеты «маленьких трагедий», неслучайно из них были реализованы те, в которых человек со всеми своими страстями противостоит таинственной и, может быть бессмысленной стихии бытия (человек перед стихией смерти в «Пире во время чумы»; жадность человека и неумолимая стихия времени в «Скупом рыцаре»; слабость человека перед стихией любви в «Каменном госте»), в прошлое вместе с романтизмом ушли замыслы произведений, в которых сталкиваются человеческие страсти *между собой* (например, Ромул и Рем, Димитрий и Марина, Курбский и Иван Грозный) В по-прежнему волнующем Пушкина конфликте между человеком и жизненной стихией теперь внимание перенесено на последнюю:

Жизни мышья беготня...

Что тревожишь ты меня?

Что ты значишь, скучный шепот?

Укоризна или ропот
Мной утраченного дня?
От меня чего ты хочешь?

«Маленькие трагедии» посвящены не столько психологии «демонических» личностей, сколько философским вопросам и, прежде всего, вопросу о взаимоотношениях человека и бытия (или человека и Бога), — примерно так теперь звучит постоянная пушкинская тема «самостоянья человека».